

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г79

Оформление *Екатерины Петровой*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Грей, Стелла.

Г79 Двойной удар по невинности : [роман] /
Стелла Грей. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 320 с. — (Любовь на ладони).

ISBN 978-5-17-112262-1

Открывая дверь своей хрущевки, я не ожидала, что за порогом, наплевав на мои планы, ждут перемены.

Жизнь поставила меня перед трудным решением — бросить все и полететь навстречу неизвестности или же остаться дома и спокойно жить дальше.

Решение принято, и теперь я не только богатая наследница, преследуемая отравителем, но и желанная добыча для двух братьев с идеальной арийской внешностью. Цель убийцы проста и понятна, а вот мотивы близнецов остаются загадкой. Ясно только одно — они желают меня соблазнить...

Чувственно и с далекоидущими планами!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112262-1

© Stella Grey, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА 1

Лена

Кажется, я все-таки уснула. Хотя это и не удивительно — в таком-то авто! Едет — словно скользит по льду: бесшумно, быстро и совершенно не укачивает. Это не моя «пятнашка», сидя за рулем которой чувствуешь каждый камешек на дороге.

В дорогом салоне пахло кожей и кедром. В который раз с удовольствием вдохнув этот запах, я потянулась и сонно прищурилась, пытаюсь понять, куда меня привез чертов немец.

— Это что такое? — выдавила, удивленно взирая на невероятно красивый особняк, рядом с которым мы припарковались. Высокие колонны подпирали крышу, выложенную красной черепицей; закругленные панорамные окна ростом с меня отражали солнечный свет; массивные двустворчатые двери были приветливо раскрыты, и вся эта красота буквально утопала в зелени.

Кто-то явно очень любил цветы и знал толк в их разведении.

Резко обернувшись к немцу, спросила, стараясь быть максимально вежливой:

— Так, значит, моя несчастная бабушка доживает свой век совсем одна? И у нее абсолютно никого нет?

— Именно так, — с очень постной физиономией кивнул немец. — Очень жаль старушку.

— Скажите, она горничная в этом доме?

Да, я начала издалека, потому что перед смертью не надышишься... Тем более я уже догадывалась, каким будет ответ, и он меня вовсе не радовал.

— Нет, — ответила блондинистая сволочь, невозмутимо протирая свои очки.

— Нет... — повторила я, нервно ерзая на сиденье, обитом дорогой кожей. — Она присматривает здесь за садом?

— Да, сад она любит. — Немец вернул очки на свой безупречный нос и одарил меня абсолютно безразличным взглядом. — Впрочем, зачем спрашивать у меня, когда вы можете поговорить с ней лично?

— Вы говорили, она живет уединенно в небольшом доме! — Я обвинительно ткнула пальцем в твердую мужскую грудь, скрытую за классическим черным костюмом.

На меня посмотрели с брезгливым удивлением и разве что пиджак не отряхнули.

— Эта вилла — не самая большая в Ханвальде, — пожал плечами мой оппонент и, заглушив двигатель, вышел из машины. Видимо, боялся, что снова его коснусь.

Порывшись в сумочке, я достала припрятанные на черный день сигареты. Обещала себе не курить, но этот случай был исключительным. Покинув салон авто и нарочито громко хлопнув дверью, зло взглянула на немца, по лицу которого пробежала тень неудовольствия.

Мне и самой жалко так обращаться с его «Мерседесом», но жажда мести была слишком сильной.

Покрутив головой, я убедилась наверняка — это дом очень богатых людей. В саду стояли статуи, где-то за домом виднелись деревья и небольшой фонтан между ними, а у въезда, рядом с длинным одноэтажным зданием, был припаркован не менее

дорогой автомобиль, чем тот, на котором мы приехали.

— Господин Клаус, — позвав немца по имени, ибо фамилию я просто не смогла запомнить, сунула в рот сигарету и, прикурив, тут же с удовольствием затянулась едким дымом.

— Слушаю вас.

Вежливость в тоне с лихвой перекрывалась неприятием во взгляде.

Ах, похоже, этот гад не переносит курящих женщин. Забавно видеть, как он старается скрыть свое отношение. Я выдохнула дым и улыбнулась. Ноздри немца слегка раздулись, словно он учуял запах, даже стоя в нескольких метрах от меня.

— Позвольте перекурить, а уж потом пойдете знакомить меня... с несчастной родственницей.

Я бросила красноречивый взгляд на дом.

— Мне кажется, вы не нуждаетесь в моем позволении, госпожа Успенская, — отчеканил блондинистый гад и, достав смартфон из кармана брюк, отошел, набирая чей-то номер. Мол, кури сколько влезет, а я пока поговорю.

Сволочь! Педант! Чистоплюй!

Снова уставившись на окна особняка, невольно задумалась — зачем было меня обманывать? Воспоминания нахлынули волной, унося назад во времени.

Я как раз заканчивала уборку, когда в дверь позвонили. Мурлыкая под нос песенку, звучавшую по радио, открыла, не спрашивая, кто там. Ждала в гости подругу, вот и забыла о бдительности. Впрочем, корила я себя недолго.

На пороге моей маленькой хрущевки стоял шикарный блондин в классическом черном костюме. Вежливый, спокойный и собранный. В очках и при кейсе. Такие не приходят грабить хрущевки.

— Чем могу помочь? — приветливо улыбаясь, спросила я, прекрасно понимая, что помочь вряд ли чем смогу.

— Успенская Елена? — вопросом ответил мужчина, и я слегка забылась от его акцента.

Немец. Вот ей-богу! Уж в чем в чем, а в этом я разбираюсь. Не зря четыре года в колледже на экскурсовода отучилась. Да и мамины усилия даром не прошли.

— Она самая.

Я продолжала улыбаться, глядя на попытки немца отвести взгляд от моей прически. Ну да, ярко-красные волосы, заплетенные в кривой хвост на темечке, могли немного обескуражить... И четыре серьги в правом ухе, соединенные одной цепочкой, похоже, тоже не пришлись по душе. О, и футболка с танцующими скелетами, едва прикрывающая короткие джинсовые шорты, отправилась в черный список. Но мой гость очень старался остаться равнодушно-деликатным.

— Меня зовут Клаус Сайн-Витгенштайн, и у меня к вам важное дело. Вопрос жизни и... — Он задержался взглядом на одном из скелетов, вздохнул и дополнил: — Смерти.

— И кто умирает? — весело осведомилась я, совершенно не собираясь его впускать.

— Ваша бабушка.

Улыбка сползла с моего лица.

— Знаете, кем бы вы ни были, шутить или наживаться на подобных вещах весьма чревато! У меня нет бабушки. Ни одной. Так что...

— Одна все-таки есть. И она поручила мне найти вас в этой дикой стране и привезти на родину. В Германию.

Такое пренебрежение к России-матушке меня задело. Так же, как и тон мужчины, и едва заметная презрительная гримаса, которая, впрочем, почти сразу пропала. Немец умел владеть собой.

Да и немец ли?.. Хотя внешность все же чисто арийская.

Сколько случаев с обманом доверчивых граждан! Кого-то обводят вокруг пальца на теме родственников, попавших в беду, а других вот бабушками в Германии соблазняют. Интересно, мне сразу предложат перевести некую сумму ради будущего наследства или чуть позже?

Я прислонилась плечом к дверному косяку, расплылась в наглой улыбочке и заявила:

— В дом приглашать не собираюсь.

По лицу блондина вновь пробежала тень, а в обманчиво мягком голосе появились раскатистые нотки, не обещающие ничего хорошего.

— Значит, я вам перед дверью все рассказывать должен?

Я повторно улыбнулась, отчаянно сожалея, что у меня нет под рукой жвачки. Сейчас самое время было бы надуть пузырь и смачно его лопнуть! Держу пари — мужика бы перекосило!

Надо заметить, что этот тип отчаянно дисгармонировал с картиной моего подъезда. Высокий красивый блондин в дорогушем костюме и стандартный российский подъезд полуаварийной хрущевки. Более полярные вещи вообразить сложно.

— Ну, зачем же беседовать здесь? — Я накрутила локон на палец и демонстративно хлопнула ресницами. — Пригласите меня в кафе.

Я воззрилась на породистую физиономию немца в ожидании волшебства и не прогадала! Лицо мужчины вытянулось от такого потрясающего в своей наглости хода.

Ну, дорогой аферист, что ты будешь делать сейчас? Полагаю, что расходы на будущих жертв обмана в твой бюджет не входят.

— Что ж, — довольно-таки быстро взяв себя в руки, заговорил незнакомец. — Вы не оставляете мне выбора. Идемте.

Он вновь окинул мою прическу крайне осуждающим взглядом и даже передернул плечами.

— Куда? — уточнила окончательно распоясавшаяся я.

— Куда скажете. Я, к счастью, мало знаком с местными... заведениями.

Немец снова подчеркнул, насколько ему противно находится здесь. В этой стране, в этом подъезде и вообще рядом со мной. Судя по внешности и манерам этого господина, он привык к совсем другим женщинам, и я для него — олицетворение того, как быть не должно ни в коем случае. Но при всем этом уходить не спешил, а наоборот, настаивал на продолжении знакомства. Мне стало любопытно, не скрою.

— За углом дома есть кафе. Пригласите меня туда, — подсказала горе-посетителю, наблюдая за движением желваков на его скулах.

— С удовольствием. — Он улыбнулся. А у меня разом пропало хорошее настроение — слишком уж плотоядной была эта улыбка. — Предлагаю продолжить разговор там. Я буду вас ждать. С нетерпением.

Мужчина стремительно развернулся и покинул мой этаж, вскоре стукнула дверь подъезда, а я так и стояла, задумчиво глядя вслед странному посетителю. И вроде проигнорировать было бы правильно, но чем-то он меня зацепил. Такой не станет тратить свое время на ерунду, уж подобных ему я повидала...

Быстро переодевшись в джинсы и майку, я схватила сумочку и побежала на встречу с неизвестным противником нашей страны. «А вдруг шпионить предложит?» — пронеслась в мозгу шальная мысль, и я ухмыльнулась, подумав, что тут же сдам гада полиции.

Патриотизм — наше все. Особенно если ничего другого не осталось...

Он и правда ждал в кафе. Сидел за столиком у окна, вытянув длинные ноги под столом, и лениво помещивал кофе, с интересом следя за движениями чайной ложки. Не удивлюсь, если строго по часовой стрелке и с определенной скоростью. Пока я шла к столику, немец все же рискнул попробовать бодрящий напиток. Сделал аккуратный глоток, чуть заметно скривился и промокнул губы салфеткой.

— Ну, я пришла, — проговорила, тут же усаживаясь напротив немца. — Чем угощать станете?

Взгляды на меня и на некачественный для его светлости американо имели подозрительно много общего.

— Наследством, — ответил он, поднимая на меня глаза. — Будете?

— Бабушкиным? — догадалась я, не сумев подавить улыбку. — Мне бы что-то более материальное. Салат, например. И от чая тоже не откажусь.

Мужика перекосило в очередной раз. Интересно, долго он еще из себя интеллигентного изображать сможет? Или быстро расколется? Тоже мне, великий выдумщик. Я только вчера телевизор выиграла, стерев код в конце сканворда, теперь вот наследство привалило. Везучая, блин...

— Заказывайте что хотите. — Немец ласкающим движением провел по боку своего кейса, словно ничего дороже этого чемоданчика в жизни не было, и открыл его. Я на какой-то миг зависла, зачарованно наблюдая за длинными красивыми пальцами, перебирающими бумаги. Почему-то в этот неподходящий момент в моей голове мелькнула мысль о том, как эти руки могут смотреться на женском теле...

— Взгляните, узнаете кого-нибудь?

Я вскинулась, выныривая из странных мыслей, и осторожно взяла протянутое через стол старое фото.

Циничная ухмылка сбежала с губ, стоило мне подробнее рассмотреть фотографию, на которой оказались запечатлены пятеро молодых людей и две девушки. Высокая светловолосая девушка с шальной улыбкой стояла крайней слева и фривольно обнимала блондинистого красавчика. Часть картинка вместе с головой этой девушки была оторвана, а затем аккуратно приклеена на место. Видела бы моя мама, как кто-то обошелся с фото времен ее молодости, была бы очень недовольна.

— Ну, допустим, я понимаю, о ком вы говорите, — сказала, не думая возвращать карточку немцу. — Где вы это взяли?

— У вашей бабушки.

— Так, — я перевела взгляд на новые карточки в его руках, — будем вспоминать прошлое моей матери?

— Придется, хотя я рассчитывал на то, что дело решится быстрее.

Немец передал мне еще две фотографии, после чего снова принялся помешивать кофе. Видимо, другого применения ему педант с высокими запросами не нашел.

— И кто этот парень? — спросила, вглядываясь в лицо с картинки. — Мама с ним встречалась?

— Да.

Юноша с фотки был чем-то неуловимо похож на странного визитера: рост, комплекция, надменная морда, поперек которой было написано «смерть несовершенству». Как он с мамой-то в таком случае связаться умудрился?

— Ну, никто не застрахован от ошибок. — Я пожалала плечами и швырнула снимки на стол. Ситуация порядком раздражала. — Сейчас вы скажете, что этот тип — мой отец?

— Вы очень догадливы.

Он отпил из чашки, видимо, надеясь, что эта пара минут каким-то образом радикально повлияла на качество кофе, но, судя по выражению лица, чуда не случилось, и немец взмахнул рукой, подзывая официанта, не особенно-то отвлекаясь на разговор со мной. Словно это я его позвала и навязывала некую дряхлую родственницу, а не наоборот.

К нам подошел услужливый молодой человек с блокнотом в руках.

— Принесите чайник с зеленым чаем, еще одну чашку и... — Вопросительный взгляд на меня.

— Что-нибудь сладкое. Пирожное какое-нибудь, — ответила я, передумав брать диетический салатик. К черту похудение, когда столько нервов.

— Одну минутку.

Официант ушел, а я, сцепив руки в замок, положила их перед собой и уставилась на немца в ожидании душещипательной истории в духе «Санта-Барбары».

И он меня не разочаровал!

— Собственно, все просто, — не обманул моих ожиданий блондин, — ваша мать вела распутный образ жизни, а Рикард — ваш отец — был молод и падок на особ, подобных ей. Они, как вы изволили выразиться, встречались, потом она забеременела. Он не признал ребенка и по настоянию матери уехал учиться. К слову, фрау Хильда не знала о конфузе.

— Конфуз — это я? — уточнила, принимая у официанта чашку и ощущая искушение встать и разбить ее о блондинистую голову заграничного «прынца».

— Именно так. — Немец прервал рассказ, налил себе свежего чаю, наполнил мою кружку и снова заговорил: — Если бы Хильда знала, то выкупила бы вас. Но, увы...

Я едва не зарычала.

Выкупить ребенка? Все решается вот так просто, да? Им, этим выскочкам из далекой Германии, можно на-

зывать мою мать практически шлюхой, а меня вещью, в которой по какому-то недосмотру судьбы течет чистая кровушка достойного отпрыска — юнца, бросившего свою беременную девушку?!

Мерзкий тип! Приехал в нашу страну и мнит себя королем среди дикарей. Еще и сочувствует мне, что не осталась при старухе, а росла с родной мамой.

— Итак, ваша мать, как и всегда недолго думая, вышла замуж за русского мужчину, занимающегося нелегальным бизнесом. Леонида Успенского.

Я закашлялась. Откуда немцу столько обо мне известно? И про отца тоже... А рассказывает как складно! Какая-нибудь наивная идиотка даже поверила бы.

— Ваш отчим погиб в двухтысячных, и с тех пор вы с матерью остались одни. Хотя она-то одна никогда не бывала. Как, наверное, и вы...

И снова сволочь смотрит на мои волосы. Далась они ему! Захочу — еще и в зеленый перекрашусь.

— Но вы приехали, чтобы спасти меня? — Я заулыбалась. — Прекрасный принц из Германии. Проездом мимо моей хрущевки. Прямо сказка!

— Никаких сказок. — Он категорично покачал головой и достал новый снимок. — И я не принц. Не ваш уж точно. Меня наняли, и я выполняю работу. Возьмите.

Мне навязчиво сунули фото с изображением женщины лет шестидесяти. Красивой, с идеальной прической — волосок к волоску, одетой с иголки и... моим лицом. Только состаренным. Ну, и нос у нее длиннее, и скулы ниже... Но губы, улыбка, даже манера чуть склонять голову набок — мое.

— Фрау Хильда, — познакомил нас с «бабушкой» немец. — Она сейчас живет очень уединенно, неподалеку от Кельна. Ваш отец — ее сын — погиб несколько лет назад, так и не продолжив род. Теперь она почти затворница, но случай помог узнать о наличии... О вас.

— Быть не может, — выпалила я, все еще разглядывая такую похожую на меня, но все же другую женщину. — Это фотошоп. Не знаю, зачем вам нужно...

— У меня много ее фотографий. Разных. Кроме того, вы просто можете позвонить своей матери и спросить ее, кто такая Хильда Лихтенштайн. Уверен, она не покусится на эмоции, но признает тот факт, что у вас есть бабушка. Вполне настоящая и жаждущая встречи. С момента, когда она узнала о вас, ее словно подменили, она стала оживать. И отказ посетить старушку может очень ее расстроить, госпожа Успенская. Хотя решать, разумеется, вам.

— Даже если это так, я не могу просто взять, бросить все и улететь на другой край мира.

— Кельн в четырех часах полета. — Немец досадливо дернул уголок рта, видимо, поражаясь моей необразованности. — Вы нигде официально не работаете, учебу закончили месяц назад, а мать давно перестала вас опекать. Билеты забронированы, у вас есть два часа на сборы и переговоры с собственной советью. Решайтесь, госпожа Успенская, дальше все зависит только от вас.

Конечно, я возмущалась. И ругалась. И позвонила матери, потому что хотела прекратить этот фарс. А потом слушала, как она ругается, то на русском, то на родном немецком... Оказалось, у меня в Кельне бабушка. О которой она отзывалась самым нелицеприятным образом, что играло скорее на пользу неведомой родственнице.

Спустя шесть часов мы вылетали из Шереметьево в Кельн, и я все еще пребывала в полном раздрае. Зато немец, скотина, воткнув в уши наушники, спокойно слушал что-то ужасающее, со скрипкой и виолончелью. Любитель классики нашелся! И спал. Весь перелет он спал, пока я не находила себе места от волнения.